

Сожгу и тебя, клиньяи расколю и сожгу — неродившуюся надежду.

Я разглядываю рубцы на пнѣ, — по нимъ ползають муравьи. Постукивають ворота...?

Татарскіе кони ржутъ, постукивають въ ворота, — будетъ прогулка въ горы. Цикады бьютъ погремушками, день жаркій-жаркій, обвисли груши въ моемъ саду, персики и черешни осыпали всѣ деревья. Это же не мои деревья! И веранда, съ колоннами, съ занавѣсками изъ шумящаго хрустала цвѣтного, — это же не моя веранда... Надо спѣшить — будетъ прогулка въ горы. Но куда же дѣвались всѣ? Лошади давно ждуть, нетерпѣливо постукивають въ ворота... Я хожу и зову, ищу. Это же не моя веранда, сверкающая огнями! Я ищу и зову въ тревогѣ, пробѣгаю въ огромныхъ залахъ. Это не мои комнаты... Мои комнаты были проще, ласковыя, покойныя... Не этотъ холодный свѣтъ, и черешни не лѣзли въ окна. Я хожу и хожу по заламъ... гдѣ-то тутъ мои комнаты...

Опять я вижу рубцы на пнѣ, бѣгаютъ муравьи. Осматриваюсь слипающимися глазами. Ну, вотъ и садъ, и мои деревья... Это же сонъ мнѣ снился, минутный сонъ... Вотъ и нашъ тихій домикъ. Спѣшить н и к у д а не надо. Опять «Тамарка» громыкаетъ воротами.

Дико кричитъ Павлинъ, — что-то его вспугнуло. Что такое? что еще мсжетъ т е п е р ь случиться?

Я слышу воющій голосъ — къ морю...

— Ой, люди добры-и-и. гляньте! Гляньте же, люди добрыи-и...!

Это въ «Профессорскомъ Уголокѣ», внизу.

«Уголокъ» давно мертвый. Не звонятъ по пансіонамъ колокола, не сзываютъ гостей на завтраки, на обѣды: сорвали колокола, смѣняли на спиртъ подвальный. Пойдутъ колокола въ дѣло — въ пули: много еще цѣльныхъ головъ осталось. Не доносить по-вечеру трели отдыхающей пѣвицы,

тріо Чайковскаго: умолкли пѣвицы и музыканты, раскрасили пѣсни Чайковскаго, — треплются по ларямъ базарнымъ.

Внизу голоса ревутъ, — тамъ еще обитаетъ кто-то! Берлоги еще остались.

— Ой, люди добры-и-и . . .

Нѣтъ ни людей, ни добрыхъ.

«Золотая Роза» розовѣетъ еще стѣнами. А вонъ и «Вилла Марина», и «Вилла Анна» . . . — но тамъ теперь обитаютъ совки, мелкія совки-сплюшки, кричатъ по ночамъ тоскливо: сплю-у сплю-у Спите, не потревожатъ. Вонъ шафраннаго «Линдена» корпуса, когда-то въ розовыхъ олеандрахъ, въ зеленыхъ кадочкахъ, на усыпанной гравіемъ площадкѣ. Прощай, олеандровая роща! Выдрали ее садовники-трудолюбцы изъ кадушекъ, пожгли кадушки. Старикъ-адмиралъ, хозяинъ, поглядывалъ оттуда въ трубу на море. Выстроилъ себѣ новый корабль — на сушѣ, прохаживался съ сигарой по балкону, въ сіяніи бѣлоснѣжнаго кителя, въ свѣжемъ сверканьи брюкъ, въ бѣлыхъ, безшумныхъ, туфляхъ, просоленный морями, бѣлобородый. Промѣнялъ штормы на сладкій штиль, праздный кортикъ — на трудовой скаторь, шаткую палубу — на крѣпкія, въ гравіи, дорожки. Вывелъ розовыя стѣны изъ олеандровъ, лиловыя — изъ глициній, сады персика и диканки . . . Разбили его трубу, и ушелъ адмиралъ подъ землю: тамъ-то ужъ совсѣмъ тихо. Всталъ на его «корабль» огромный Корякъ — дрогаль, зацѣпился съ семьей, съ коровой, и ждетъ упорно: отойдетъ ему домъ — дворецъ, съ виноградниками и садами, — за великіе труды жизни: возилъ адмирала на таратайкѣ въ городъ! Сторожить пустоту — усадьбу да помаленьку выламываетъ рамы.

Внизу голоса растутъ. По балкѣ доходитъ четко — воющій бабій голосъ:

— Да лю-ди . . . добрые . . ! да вы жъ гляньте ! . .

— Усѣ кишки вымотаю съ тебе . . . за мою «Рябку» ! . .

Это — Коряка голосъ, рыкъ сиплый.

— Да вы жъ толичко гляньте... лю-ди добрые... хозяина моего забиваетъ...!

— Мя... со мое подай... изъ глотки вырву! Заразъ сказывай, куда ховали!.. утрибку, гадюки, лопали... съ моей «Рябки»...!

— Побій мене Боже... да усю недѣлю въ Ялтахъ крутился... да вы жъ перво дознайте у сосидій... Дядя Степанъ, да ваша «Рябка» и близко не достигала! За чого жъ вы старого чоловіка забиваете?!

Человѣка забиваютъ? И этотъ воющій голосъ — голосъ человѣчій? и рыкъ-зыкъ этотъ?!

— Шку-ру, песъ...мя... со мое подай! Шшо твой выблядокъ у мыльцыи ходить... да я самъ утруждающій... Буржуевъ поубивалы, теперь своего брата губите!.. Я за свою «Рябку»... дьявола лютые...!

— Да я... заразъ въ камытетъ самый, рылюцивонный... якъ вы генераловы сундуки ховалы...

— А тебѣ... шо? ма-ло? ! шшо нэ подавылась? ! ! Мало, сука, добрыхъ людей повыдавала, чужое добро ховала, на базаръ таскала?! Да я твой камытетъ этотъ... одна шайка! Ду-шу вытрясу мясо мое подай!

— Чего жъ вы не заступляетесь... люди добры?!

Я слышу тупой ударъ, будто кинули что объ землю.

— У-би... илѣ... живого чоловіка убилъ... люди божьи...!

— На-смерть убью — не отвѣчу! У мене дѣти малыи...

По горкамъ шевелятся — выползаютъ букашки-люди. И тамъ, и тамъ. Гдѣ-то въ норахъ таились. Всѣ глядятъ на площадку, подъ Линдена-пансіономъ, съ холмовъ — на сцену, какъ въ греческомъ театрѣ. Прикрыли глаза отъ солнца. Далеко внизу, на узкой площадкѣ, въ балкѣ, прилѣпилась мазанка: синій дымокъ вьется надъ бѣлой хаткой. Во дво-

рикѣ копошатся — люди не люди — мошки: двое крутятся на землѣ; синее пятнышко бѣгаетъ, палкѣй машетъ.

Съ Вербиной Горки бѣгутъ ребята, орутъ:

— Подъ Линденомъ убиваютъ! Ганька, гляди «Тамарку»!...

Кричитъ Ганька:

— Хочу какъ убива-ють!...

Выглянули и сосѣди. Лялинъ голосокъ точить:

— Это Степанъ Корякъ, мамочка... въ бѣлой рубашкѣ... ногой въ животъ, прямо, мамочка!... колѣнкомъ!

— Ляличка, не надо! Боже, какіе звѣри... — взываетъ старая бѣрыня. — Ради Бога, Ляличка... уходи, не надо... Няня, да что такое...?

— Да что... Глазкова старика Корякъ за корову убиваетъ... — доходитъ изъ-подъ горы нянькинъ голосъ.

Она спустилась подъ упорную стѣнку, чтобы лучше видѣть.

— Такъ и надоть, слободу какую взяли! Полонъ-полонъ домъ натаскали, всего-всего... Каждый божій день у Маришки и барашка, и сало, и хлѣба вдосталь, и вино не переводилось... мало! чужую корову зарѣзали! Гляди-гляди, какъ бьетъ-то! а?! Насмерть теперь забьетъ!

Смотритъ, несчастная, и не чувствуетъ, что ждетъ ее. Запутывается тамъ узелъ и ея жалкой жизни: кровь крови ищетъ.

А на театрѣ — хрипу и визгу больше, удары чаще.

— Люди добрые... заступитесь...!

— Печонки вырву! ска-жешь, выродъ гадючій...! мясо куды дѣвалъ? мя... со-о...?!

Отъ невидимыхъ зрителей доходитъ:

— Эхъ, сыновья-то въ городѣ... они бѣ ему доказали! до-кажутъ!

— Самый большевикъ былъ, какъ на чужое... а самого тронули... какъ разоряется!

— За-чѣмъ... Корякъ за свое добро бьетъ! Моду какую взяли, хоть не води коровы. Въ покои ужъ стали ставить, съ топоромъ ночуютъ!

— Вотъ они, буржуи окаянные... до чего людей довели! Жили всѣ тихо-мирно, на вотъ... завоевались!

На театрѣ дѣло идетъ къ развязкѣ. Рыкъ глуше, словно перегрызаютъ горло:

— Ку . ды... мя... со...

— Ой, побѣгу, мамочка.... !

Съ холмовъ воютъ:

— Бей его, Корякъ, добивай !.

— Какъ такъ — бей ? ! Доказать спѣрва надо! Бей... Много васъ, бителевъ!

— Онъ, вонъ, въ Ялтахъ былъ сколько-то дѣнь, баба его доказала!

— Звѣри, а не люди... Ляличка, сту-пай! ступай-ступай, нечего тебѣ слушать...

— Ма-мочка, я хочу

И докторъ, подъ зонтикомъ, тоже смотритъ изъ-подъ руки, потряхиваетъ бородкой. Кричитъ въ пространство:

— Трагедія... подъ горами! Хе-хе!... Борьба Титановъ! волки грызутъ другъ-другу! Валяйте, друзья мои... валяйте апо-фе-озъ культуры! До скорого свиданья...

Уходитъ докторъ къ миндальнымъ своимъ садамъ — «садамъ миндальнымъ».

Лѣзетъ изъ балки другой сынъ `нянькинъ, голенастый подростокъ Яшка, — ѣздитъ ужъ съ рыбаками въ море. Кричитъ въ задорѣ:

— Разъ Корякъ взялся — шабашъ! Прихватилъ за грудки... да кѣкъ его о земь... разъ! А старикъ живучъ!

— Уйдите, уйдите всѣ! не могу... не могу — не могу... — кричитъ истерично старая барыня, зажимая уши.

Вскрикнула-всполошила Ляля:

— Ястребъ !.. ястребъ ! !... Ай-ю-у-ай... !

Ширококрылый, палево-рыжий ястребъ, съ бѣлымъ комомъ подъ брюхомъ, тянетъ по балкѣ внизъ, гдѣ Корякъ душить короворѣза.

— Курочку вашу !!!.. вашу !!!... — отчаянно верещитъ Ляля, топочетъ и бьетъ въ ладошки. — Туда. за дубки спустился !.. пухъ-то, глядите, пухъ..! Айй-ю-у-айй !..

Бѣлый пушокъ плаваетъ надъ кустами. Я качусь по сыпучей кручи, рву на себѣ послѣднее, падаю на камняхъ и сучьяхъ высохшаго потока. Кричатъ голоса, пугаютъ, въ ладоши бьютъ:

— Къ дубкамъ берите! Слетѣлъ, проклятый !..

Я вижу надъ головой — бѣлесо-пестрое брюхо, съ подтянутыми когтями. Темнокрылою хищной тѣнью уплываетъ стервятникъ по балкѣ — къ морю.

Я добираюсь до мѣста и нахожу бѣлую курочку — кровь и перья. Вижу оторванную голову, съ сомкнутыми глазами, съ похолодавшимъ гребнемъ, и по мертвымъ «сережкамъ» признаю «Жаднюху». Только-только подремывала она на моихъ рукахъ, клевала горошекъ доктора, и въ ясномъ зрачкѣ ея смѣялось золотой точкой солнце... Прощай и ты, маленькое созданье, не оставившее слѣда! Теперь сметаются всѣ слѣды, и перестало быть больно. И теперь ничего не жаль.

Я беру кровавой комокъ въ перьяхъ. Это не кусокъ мяса: это наша родная, собесѣдница кроткая, молчаливый товарищъ въ скорби.

И другой разъ за этотъ истомный день взялъ я тяжелую лопату, пошелъ на предѣлъ участка, на тихій уголъ, гдѣ груда камней горячихъ... И наложилъ камень, чтобы не вырыли собаки. Трещитъ плетень, глядитъ изъ-за плетня Яшка.

— Такъ лучше бы мнѣ отдали!

Онъ правъ, пожалуй. Не все ли равно теперь: земля или брюхо Яшки? Земля — лучше: земля покоитъ.

Я вижу его глаза, заглядывающіе подъ камень. Ищущіе глаза. Когда стемнѣетъ, я выну ее и схороню въ Виноградной Балкѣ.

Индюшка стоитъ подъ кедромъ, поблескиваетъ зрачкомъ — къ небу. Жмутся къ ней курочки — теперь ихъ четыре только, послѣднія. Подрагиваютъ на своемъ погостѣ. Жалкія вы мои... и вамъ, какъ и всѣмъ кругомъ, — голодъ, и страхъ, и смерть. Какой же погостъ огромный! и сколько солнца! Жарки отъ свѣта горы, море въ синемъ текущемъ блескѣ...

Внизу затихло. Зрители уползли въ балки, въ норы. Убилъ ли Корякъ, — не важно. Теперь — не важно. Убилъ... — слово всѣмъ пустое.

Я хожу и хожу по саду, дохаживаю свое. Упора себѣ ищущу? Все еще не могу не думать? Не могу еще превратиться въ камень! Съ дѣтства еще привыкъ отыскивать Солнце Правды. Гдѣ Ты, Невѣдомое?! Какое Лицо Твое? Не хочу аршина и бухгалтеріи... Съ ними ходятъ подрядчики и дѣляги. Хочу Безмѣрнаго — дыханіе Его чую. Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмѣрность страданія и тоски... ужасомъ постигаю Зло, облекающееся плотью. Оно набираетъ силу. Слышу его рыкъ зычный, звѣриный зыкъ...

Великіе мудрецы, гдѣ вы? ! Туманами подымаются храмы ваши, въ туманахъ таютъ... Чистый разумъ... призрачный міръ идей... отсвѣтъ метнувшагося человеческого мозга! Гдѣ вы тамъ, блѣдныя существа? Въ какихъ краяхъ обитаете? какія на васъ одежды? Въ лучѣ бы солнца спустились, что ли, безплотныя, породили бы изъ неоправданныхъ мукъ, изъ неоплатныхъ страданій новое существо, невѣдомое доселѣ міру! Свершили чудо! Сошли бы въ дождѣ на землю, радугой перекинулись надъ моремъ, упали въ громъ! Или спускались вы, да продали васъ за грошъ, на обертку пустили подъ собачье мясо? въ пыжи забили? Въ Пропо-

вѣди На горной продають камсу ржавую на базарѣ, Евангеліе пустили на пакеты... Пустое небо прикрылось синью, море прикрылось синью: стоитъ одно другого.

Скорѣй бы вечеръ. Я... Кто такой это — Я?! Камень, валяющійся подъ солнцемъ. Съ глазами, съ ушами — камень. Жди, когда пнуть ногой. Не куда уходить отсюда... Гляди на горы: онѣ всѣ въ блескѣ, воздушныя. На море. — праздничное оно, всегда. Безмолвіе за нимъ, такъ... — туманность. На что же еще глядѣть?

Тамъ, въ городкѣ, подвалъ. свалены люди тамъ, съ позеленѣвшими лицами, съ остановившимися глазами, въ которыхъ — тоска и смерть. И тамъ тѣ семеро, бродившіе по горамъ... Обманомъ поймали въ клѣтку. Что они чувствуютъ — скрученное желѣзо? Я еще воленъ бродить. Для нихъ одинъ только ходъ — въ могилу. «Истребитель» стоитъ у пристани, гробъ желѣзный. Бѣго краснозвѣздная команда наѣлась баранины доотвалу, напилась изъ подваловъ и теперь спитъ — до ночи. И красный вымпелъ тоже уснулъ — до ночи.

Что-то говорилъ докторъ... Что-то случиться можетъ. Въ небо смотрю я: можетъ?

Больно глазамъ отъ свѣта.

Я хожу и хожу по саду, смотрю на камни. Что же случиться можетъ? какое чудо? Къ кедру приду, постою, будто ищу чего-то. Отъ кедра пышетъ. Душно отъ черныхъ кипарисовъ. Все накалилось, струится, млѣетъ. Солнце всѣ мысли плавить. Отъ кедра гляжу на домикъ, на маленькую веранду. Здѣсь ли я жилъ когда-то?! Смотрить веранда заплаканными глазами зацвѣтшихъ стеколъ, Голубыя глициніи давно опали, засохли тиссы передъ крылечкомъ...

На пустырь, за балкой, возятся возлѣ «Ляры», подсовываютъ оглобли. Вертятся вербины собакъ, Цыганъ и Бѣлка.

Кричитъ отъ дороги кто-то:

— Прирѣзать бы, да на ко-клеты!

Это дядя Андрей, съ исправничьей дачи — «Тихая Пристань». Одѣтъ по-дачному, — въ парусинномъ костюмѣ, въ мягкой, господской, шляпѣ, раздобытой. Смуглый, сутулый, крѣпкій, и — темный весь. Посиживаетъ по бугоркамъ, поглядываетъ на дачки... побуркиваетъ въ кустахъ съ такими же. Ходить — подумываетъ.

Не отвѣчаютъ на его окликъ, надъ «Лярвой» возятся.

— Теперь человѣчину ѣдятъ, а на конятину заглядишься! Казанскіе татары за говядину признаютъ... А вамъ все чтобы мя-со было! Я вотъ... невете... реянецъ! По мнѣ хоть и не будь его вовсе, ей Богу! у меня отъ его... за-поръ навсягды, сказать... вовсе для меня вредная пища, ядъ!..

Не отвѣчаютъ ему отъ «Лярвы». Онъ подходитъ къ моей заградѣ:

— Гляжу-гляжу на вашу индюшечку ужахаюсь! Ку-да заходитъ! И, лихъ ее носить, куренковъ куда заводитъ! Какой дурной подшибъ палкой — по нонѣшнему времени... капиталъ! Вонъ какъ у Вербы съ гусемъ... нючнымъ дѣломъ ухватили, даромъ что собаки. Тепѣрь человѣкъ злѣй собаки! А я свинку свою на ячменекъ вымѣнялъ, да за перекопку татары вина пять ведеръ... до весны до самой обезпечень. А какъ отсужу Лизаветину корову Какъ такъ я въ маѣ получилъ за перекопку? Это все Прибытка старая съ дурной головы плететь! Въ маѣ я за эту за осеннюю перекопку, а вчера опять получилъ, за обрѣзку, очень огромный виноградникъ! Вотъ Лизаветину корову отсужу, на мои грѣши купила, стерва... тогда я, сказалъ, ба-риномъ ходить буду! А чего я спросить желаю... про павлина! Чего онъ у васъ на холостомъ ходу ходить? То ли бы ужъ скушали, а то на базаръ, татары богатые по случаю изъ хвоста позарются... татарки ихнія замѣсто цвѣтовъ въ волосы убираютъ. А мясо у нихъ, сказать... не вредное?

И онъ отходить — въ прогулочку. Идетъ — подумываетъ.

Павлинъ... Развѣ онъ мой еще? На табакъ если вымѣнять... осталась одна щепотка, а курить надо много... Къ ночи надо беречь, къ ночи наваливаются думы. Одичалъ теперь, не поймать. А на табакъ бы можно, — не пшеница.

Осматриваюсь, отыскиваю Павлина. Вонъ онъ, по пустырю бродитъ, хвостомъ возить. Татаркамъ на украшеніе... богатымъ. Остались еще богатые? Гляжу — прикидываю. И онъ глядитъ на меня, мой «табакъ». Я отвожу глаза, стараюсь подавить прошлое. Первые радостныя утра, начинавшіяся крикомъ его на крышѣ нашего домика, его топотаньемъ по желѣзу. А безъ него будетъ еще чернѣе...

Я сажусь на каменное крылечко у веранды. Оно остыло. Солнце ушло за домикъ. Гляжу на сухія грядки, — солнце и съ нихъ сползаетъ. Да, огурцы пожухли. Поклеваны помидоры, висятъ кровяными лоскутками. И поливать не надо. Всматриваюсь въ потрескавшуюся у ногъ землю. Муравьи еще живы, суетятся-тащутъ по своимъ норкамъ. Какіе-то и у нихъ планы. Этотъ, какъ-будто, размышляетъ, поводитъ усикомъ... не мыслитель ли муравьиный? Я беру вѣтку сухого тисса и веду по землѣ, мету. Гдѣ теперь планы и философія? Такъ и все. Чья-то слѣпая сила. Мететъ... И... солнце по кругу ходить. Вѣчно ли ходить будетъ... Придетъ и на него сила. И оно не будетъ ходить по кругу.

ЧУДЕСНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Да когда же накроетъ ночь это ликующее кладбище? ! Солнце остановилось надъ Бабуганомъ, не уходитъ. Не на-смотрѣлось. Смотри, смотри... «Истребитель» приглянулся тебѣ, и ему посылаетъ привѣтнаго зайчика на выпелъ — добрый вечеръ!